

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Семенюк Марии Владимировны на тему «Специфика художественного мира произведений Ван Аньи», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 — Литература народов стран зарубежья (литература Китая)

Рецензируемая диссертация выполнена в русле недавно обозначившейся в отечественном китаеведении тенденции в изучении новейшей (её текущего состояния и истории за последние несколько десятилетий) литературы Китая. Эта тенденция ознаменовалась переходом от первоначального осмысления — сбор фактического материала (включая переводы произведений на русский язык), его систематизация и характеристика, но в большей степени описательного, нежели аналитического плана, — литературных процессов и явлений к их глубинному анализу, направленному на опознание и объяснение их качественных особенностей и сущности. Поэтому актуальность и новизна диссертации намного превосходят, на мой взгляд, соответствующие пункты, сформулированные М. В. Семенюк и сводящиеся к тезису о необходимости изучения творчества Ван Аньи как выдающейся китайской писательницы (Введение, сс. 4—5, 11—12). **Академическая актуальность** проведенного М. В. Семенюк исследования определяется тем, что оно отвечает насущной потребности разработки новых научных подходов к новейшей китайской литературе. Его **научная новизна** заключается в том, что в нем намечена и апробирована методология и методика изучения творчества современных китайских писателей.

М. В. Семенюк, опираясь на широкий круг литературоведческих теоретических разработок (сс. 6—8, 9—10), четко постулирует своё понимание литературного «художественного мира» — «как макросистемы, ориентированной на автора, реальность и читательское восприятие, как целостный комплекс авторских представлений о мире и человеке в нем, воплощенных в литературной ткани художественными средствами, а также комплекс самих средств и стилевых особенностей, формирующий художественную реальность» (с. 8). Исходя из приведенного определения, автор вычленяет (в подразделе Методология, с. 11) аспекты исследования в их логической последовательности: жанровая специфика, тематика и проблематика, образно-концептуальное наполнение, герои, время и пространство, стилистика языка. Здесь же фактически сформулированы, в несколько даже более внятном виде, чем в соответствующем подразделе (с. 12), и задачи исследования. Ясность разумения объекта, предмета, цели и задач исследования обеспечило стройность

композиционного построения диссертации и безукоризненность (не побоюсь такого слова) логики научного повествования.

Первый параграф («Творческий путь», с. 16—32) Главы 1. Жизнь и творчество Ван Аньи (с. 16—73) содержит самый подробный для отечественной гуманитарии очерк жизни и творчества писательницы, сопровождающийся предварительной характеристикой большинства её произведений. К содержательным достоинствам этого параграфа относится, в чем трудно не согласиться с автором (Автореферат, с. 12), анализ жанрового состава корпуса произведений Ван Аньи, в ходе которого затрагивается проблема дефиниции китайских литературных жанров, одна из острейших для всего синологического литературоведения. С точки зрения композиции всей диссертации, в этом параграфе задается хронологическая и жанровая «матрица» творчества Ван Аньи, способствующая структурированию дальнейших изысканий.

Второй параграф Главы 1 («Основные темы и проблематика творчества (с. 33—73)» видится ключевым в концептуальном отношении и имеющим наиболее ярко выраженный поисковый характер. В нем выявлены и охарактеризованы «тематические сферы» (в терминологии автора) творчества писательницы в их динамическом (в различных по времени создания произведениях), эволюционном (под влиянием биографических факторов, изменений жизненных, мировоззренческих и эстетических позиций писательницы) и художественном (роль и место в творчестве Ван Аньи) дискурсах. Автор убедительно доказывает, что в раннем творчестве Ван Аньи, несмотря на то, что писательница старалась держаться в стороне от различных литературных течений, можно найти практически все ключевые темы, характерные для «литературы нового периода» (с. 33—38). В более поздних (с 1990-х гг.) произведениях ведущими становятся «тема женщины», важнейший аспект которой составляет «женская телесность и чувственность», включая сексуальные мотивы (с. 43—46); и «тема обыденного существования», квалифицируемая М. В. Семенюк как «сознательный отказ от изображения героики и великих трагедий, общественных потрясений и катаклизмов, и обращение к самым повседневным аспектам человеческого существования» (с. 50). Она включает в себя целый спектр влекущих один другое лейтмотивов, сконцентрированных в персональном бытии человека — в биологическом смысле, физических аспектов его существования, темы голода, болезни, «меланхолии» («меланхолической болезни», сс. 58—61), судьбы и фатума (67—70), смерти (с. 70—71), и

сопряженных с отношениями индивида и общества: конфликт поколений (с. 60—62), одиночество и отчужденность человека в мире (с. 65—67), ожидания и надежды (с. 71—72).

Практически все наблюдения, высказанные в этом разделе по поводу семантики и эстетической ценности «тематических сфер» и составляющих их лейтмотивов, значимы для понимания своеобразия творчества Ван Аньи. Таковы, например, наблюдения о том, что «повседневность Ван Аньи далека от праздности, в ее произведениях реальная жизнь почти всегда связана с идеей труда, которая представляет для Ван эстетическую ценность» (с. 52). Что «тема голода предстает экзистенциально, как манифестация естественной потребности человека к жизни, одно из воплощений первобытного начала, которое скрывается за обыденными явлениями современной жизни» (с. 55). Наиболее же существенными представляются выводы (сс. 72—73) о реалистичности прозы Вань Аньи («все темы связаны с отражением существующих аспектов человеческого бытия в адекватной реальности, не гротесковой форме, без фантастических элементов») и о том, что «центральное место в прозе писательницы занимают аксиологические вопросы, изображение процесса нравственного и идейного самоопределения личности».

Выявленные автором «тематические сферы» создают «каркас» художественного мира творчества Ван Аньи. Возникшие в ходе повествования научные сюжеты развиваются, дополнительно прорабатываются и уточняются во второй и третьей главах диссертации («Герои Ван Аньи в пространстве и времени», сс. 74—133, «Образно-символическое содержание и стилистика творчества Ван Аньи», сс. 134—184). В них определяются типы литературных героев (главных персонажей и второстепенных лиц), подробно разбираются их портретные характеристики, раскрываются пространственные и временные координаты художественного мира, воспроизведена в малейших деталях и в её исчерпывающем богатстве (включая визуальные, аудиальные, колористические образы) образная система, воссоздан и проанализирован арсенал лексико-стилистических приемов.

Высказанные ранее суждения и интерпретации дают почву для новых и тоже предельно значимых для понимания творчества Ван Аньи наблюдений. Так, возвращаясь к теме «меланхолии» (сс. 102—105), М. В. Семенюк уточняет, что одним из факторов меланхолической тональности творчества Ван Аньи служит «печальный модус отношений субъекта и времени» (с. 102). Тема конфликта «поколений» дополнительно раскрывается и поясняется антитезой город (во главе с топосом «Шанхай») — деревня (сс. 117—119). Более подробный анализ литературных героев, временных и пространственных параметров

художественного мира позволяет автору выявить немало художественных парадоксов. Например, тип персонажей «лао саньцзе». Эти персонажи, с одной стороны, олицетворяют трагическое «потерянное поколение», а, с другой стороны, зачастую близки к типу героя-мессии и стремятся стать своего рода «духовными наставниками» поколения и окружены героями-учениками. (с. 83—84). Столь же противоречива семантика топоса «деревни» (с. 117—119). Крайне критическое отношение к деревне (общество, вступившего на путь материальной и моральной деградации, живущее в крайней бедности, отвергающего чуждое и новое) внешне совершенно неожиданно оборачивается наделением её чертами «мифопоэтического пространства». Пусть автору не всегда удастся однозначно объяснить такого рода парадоксы. Более важен сам факт их опознания и включения в число «знаковых» примет художественного мира творчества Ван Аньи.

Все разделы диссертации объединены также общностью методических принципов исследования. М. В. Семенюк неизменно строит свои изыскания на базе анализа оригинальных источников. Ею привлечены и досконально (в чем убеждает текст диссертации) проработаны 70 произведений Ван Аньи. Далее в исследовательскую орбиту обязательно включаются работы о творчестве писательницы, по истории и современной китайской литературе, литературоведческие труды теоретического характера, а также размышления Ван Аньи о своих творениях и её же литературоведческие и эстетические (ей принадлежит и ряд литературоведческих сочинений) воззрения. Библиографический список состоит из 91 издания на русском языке, 108 работ на китайском (принадлежащие ученым КНР и Тайваня), 17 на английском 5 на немецком языках. И нет ни малейших сомнений в том, что М. В. Семенюк действительно освоила их столь же тщательно и вдумчиво, как и произведения Ван Аньи.

Обширность источниковой базы позволила М. В. Семенюк не только выстроить надежную систему аргументации, но и интерпретировать тематику и художественные особенности творчества Ван Аньи в их соотношении с китайской классической литературой, литературой XX века и второй половины существования КНР, и с европейской литературой. Так, «тема женщины» полностью оправданно вписывается в контекст «феминистической литературы» (с. 40—43). Затронут и вопрос соотношения творчества Ван Аньи и литературы «шанхайского стиля» (с. 46—50).

При рассмотрении мотива сна, одного из лейтмотивов прозы Ван Аньи и широко представленного в её эссеистике, М. В. Семенюк предпринимает ретроспективный анализ

«метафоры сна» в классической китайской культуре (начиная со знаменитой притчи в «Чжуан-цзы») и литературе (сс. 149—150). Заклучив, что интерпретация мотива сна в художественном мире Ван Аньи обнаруживает явное сходство с китайскими представлениями, М. В. Семенюк отмечает и любопытные параллели с некоторыми формами мотива сна в европейской литературе, в частности, романтической. Тем убедительнее выглядит её точка зрения о специфике данного образа в творчестве Ван Аньи: «сон — это не своеобразная отсылка к архетипам культуры (что характерно для постмодернизма) и не метафора самой жизни (как, к примеру, в поэзии барокко, для которой, согласно известной метафоре Кальдерона, «жизнь есть сон»), а метафорическое изображение мира души, мира надежд и стремлений человека (с. 149).

Итак, содержание рецензируемой диссертации полностью соответствует заявленной в названии теме. Собранный автором материал чётко и оптимально систематизирован по разделам и подразделам, построение работы исчерпывающе способствует всестороннему раскрытию исследуемой темы. Сделанные автором выводы надёжно аргументированы и тоже полностью отвечают заявленным автором научным задачам. Положения, выносимые на защиту, адекватны и логично проистекают из общего содержания работы. Текст диссертации выполнен на высоком литературном уровне, вполне отвечающем, замечу, художественным достоинствам творчества Ван Аньи.

Рецензируемая диссертация имеет очевидное теоретическое и практическое значение. Представленные в ней авторские наблюдения и фактические сведения могут быть эффективно использованы при разработке как академических проектов по изучению современной китайской и мировой литературы, так и соответствующих лекционных курсов в рамках всех ВУЗов гуманитарного профиля.

Считаю также, что рецензируемая диссертация может быть рекомендована к публикации в качестве монографии.

Никаких сколько-нибудь принципиальных возражений против общего содержания работы, промежуточных и основных выводов, включая положения, вынесенные на защиту, у меня нет. Даже если некоторые из авторских интерпретаций видятся дискуссионными, они достойны стать предметами отдельной научной полемики, которая выходит за рамки отзыва о диссертационном сочинении.

Единственное, за что можно было бы упрекнуть автора (но, исходя из моего сугубо личного представления о правилах оформления научного сочинения), так это за отсутствие

иероглифического написания китайских имен (даже Ван Аньи), названий работ китайских ученых (даже в Библиографии) и хоть какой-либо дополнительной информации о старых китайских литераторах, хотя бы указания дат их жизни. Конечно, такие поэты, как Бо Цзюйи, Ду Фу, Ли Бо широко известны. Но, думается, было бы далеко не лишним дать краткие сведения о Жуань Юане (он же крупный ученый книжник, авторитетный комментатор «Шицзина», о чем в диссертации умалчивается) и его стихотворении, оказавшем столь заметное влияние на роман Ван Аньи «Водяные каштаны и лотосы» (с. 153).

И, наконец, позволю себе высказать общее пожелание (оно ни в коем случае не является собственно критическим замечанием) автору учитывать в своих дальнейших изысканиях более полно, чем в диссертации, литературный и культурный опыт Китая. Так, обилие в произведениях той же визуальной, аудиальной, колористической и ольфакторной (запахи) образности есть одна из типологических черт древней и классической китайской поэзии, проистекающая из особенностей китайского мировосприятия (общекультурные типологии цветов, запахов, восприятия мира через органы чувств). Обращение к истории китайской образной системе обогатило бы предложенные М. В. Семенюк интерпретации. Например, «пара красный—серый» на самом деле есть не совсем авторская семантика цвета (с. 142). Соотнесение в произведениях Ван Аньи серого цвета с пылью (*чэнь*), позволяет предположить, что писательница обыгрывает традиционную культурную категорию «пыли» как метафору (восходит к «Шицзину») суетной повседневности и духовного прозябания личности. Звук швейной машинки (с. 144) с достаточной долей очевидности восходит к скрипу ткацкого станка, символизирующего в поэтическом языке одиночество и тщетность мечтаний лирической героини о взаимной любви. Поэтому в повести «Любовь в маленьком городке» звук швейной машинки может быть не только символом воспоминаний о семье, но и намеком на сиюминутное внутреннее состояние женщины.

Высказанные замечания микроскопические по сравнению с достоинствами рецензируемой диссертации. Она представляет собой, вне всяких сомнений, подлинно самостоятельное и законченное научное исследование, в котором содержится решение задач, имеющих очевидное теоретическое и практическое значение для синологического литературоведения и отечественной филологии в целом. К его первоочередным академическим достижениям относится развитие методологии литературоведческого анализа в приложении к современной китайской литературе, что и позволило автору

реконструировать и осмыслить столь сложное во всех отношениях и с трудом поддающееся академической рефлексии явление, как «художественный мир» творчества Ван Аньи.

Автореферат, не вмещаая в себя всего тематического и содержательного богатства диссертации (что сделать просто невозможно), с достаточной полнотой отражает структуру работы, ход исследования, широту использованных материалов, прочность доказательной базы, а также наиболее важные наблюдения и основные выводы. Публикации в журналах из списка ВАК адекватно передают положения диссертации.

Диссертации Семенюк Марии Владимировны на тему «Специфика художественного мира произведений Ван Аньи», являясь самостоятельным и законченным квалификационным сочинением и имея существенное значение для специальности Литература народов стран зарубежья (литература Китая), полностью отвечает всем требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор, Семенюк Мария Владимировна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья» (литература Китая).

Официальный оппонент:

Кравцова Марина Евгеньевна

доктор филологических наук

(по специальности 10.01.06. –

Литература народов Азии и Африки),

профессор кафедры философии и культурологии Востока

Института философии

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

199034, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Менделеевская линия, 5.

Тел. +78123289421

E-mail m.kravcova@spbu.ru

<http://spbu.ru/>

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

05.02. 2018

личную подпись

Кравцовой М. Е.

ЗАВЕРЯЮ

